

Н. А. КАЗАКОВА

К изучению «Сказания о граде Египте»

В рукописных сборниках XVI—XVII вв. довольно часто встречается «Сказание о граде Египте». Это небольшое произведение содержит описание столицы средневекового Египта — Каира и природы Египта. Заканчивается оно словами, указывающими на источник сведений автора: «А сказывал се великаго князя казначей Михайло Гиреев. Был, скажет, в том граде Египте сорок дней».¹

А. А. Шахматов, специально занимавшийся «Сказанием» и датировавший его концом XV в., пришел к выводу, что рассказчиком, со слов которого было записано «Сказание», являлся Михаил Григорьев Мисюрь-Мунехин, известный впоследствии дьяк Василия III, в молодости побывавший на Востоке.²

Устная основа «Сказания», засвидетельствованная самим «Сказанием» и подтвержденная выводами А. А. Шахматова, не вызывает сомнений. Но вместе с тем нам представляется, что «Сказание» — это не непосредственная запись устного рассказа, а произведение, испытавшее влияние определенной литературной традиции. На эту мысль наводит сопоставление «Сказания» с «Хождениями», в частности с «Хождением гостя Василия» на Ближний Восток в 1466—1467 гг.

Произведем сопоставление описания столицы Египта Каира в «Сказании» и в «Хождении гостя Василия».

О Египте граде велицем

Египет великий град. 14 мезгитей в нем, а у мезгити по сту столпов каменных. А на столпы възлазять до 100 человек и до 50, и вшедше на столп, кличюг. Да в нем же 14 тысящь кермесараев, а комар в кермосараи много, до триста гостей становятся. Да в нем же 14 тысящь улиц, а в улице по 10 тысящь дворов. А бань 14 тысящь. А двор салтанов, рекше царев, с Москву нашу, с Кремль, а царя не видать никто. А алафу дают на цареве дворе мелким людям на всяк день: конюхом, поваром, хлебником, помесом, истобником, на 4 тысящи человек.³

Хождение гостя Василия

Египет град вельми велик. А в нем 14 тысящь улиц, да во всякой улице по двоа врата и по две стерльницы, да по два стража, которыя зажигают масло на свещнице; да в иных улицах домов 15 тысящь, а в иных улицах до 18 тысящь дворов, да на всякой улице по торгу по великому, а улица с улицей не знается, опроче великих людей.⁴

¹ А. А. Шахматов, Путешествие М. Г. Мисюря-Мунехина на Восток и Хронограф редакции 1512 г. — ИОРЯС, 1899, т. IV, кн. I, стр. 216.

² Там же, стр. 200—216.

³ Там же, стр. 216.

⁴ Православный палестинский сборник, вып. 6, СПб., 1884, стр. 8.

Сопоставление показывает совпадение или во всяком случае близость некоторых деталей, имеющих в обоих текстах. И в «Сказании», и в «Хождении гостя Василия» названо одинаковое число улиц в Каире — 14 тысяч. Близки и цифры домов, находящихся на каждой улице: в «Сказании» от 10 тысяч до 14 (в различных списках),⁵ в «Хождении» от 15 до 18 тысяч. В обоих произведениях подчеркивается величина города и его торговый характер.

Но еще более важной, чем отмеченная близость ряда черт в описании Каира в «Сказании» и в «Хождении гостя Василия», представляется нам стилистическая близость между «Сказанием» и «Хождениями».

В. В. Данилов, исследовавший стиль древнерусских «Хождений», назвал его «сухим, протокольно-безразличным», не выказывающим «живого лица наблюдателя и его впечатлений».⁶ Соглашаясь с данным В. В. Даниловым определением стиля «Хождений», как «протокольного» (в том смысле, что древнерусские путешественники лаконично, без всяких «плетений словес», передавали виденное и не стремились, как правило, выражать при описании свои эмоции), мы не можем вместе с тем признать сухость его характерной чертой. Перечисление населенных пунктов и указание расстояний между ними носят в «Хождениях» действительно деловой, сухой характер. Но когда авторы «Хождений» переходили к описанию достопримечательностей и необычного для русского человека облика чужих городов, то в ряде случаев рассказ их приобретал выразительность. Достаточно вспомнить, например, знаменитое описание статуи Юстиниана, сделанное Стефаном Новгородцем: «Ту стоит столп чуден вельми толстотою и выотою и красотою, из далеча с моря видети его, и на верх его сидит Иустиниан великы на коне вельми чуден, аки жив, в доспесе сорадинском, грозно видети его, а в руке яблоко злато велико, а во яблоце крест, а правую руку от себя простер буйно на полдни на Сороциньскую землю к Иерусалиму».⁷ Здесь протокольность соединяется с выразительностью.

Правда, авторы «хождений» не всегда придавали своим описаниям ту эмоциональную окраску, которая присутствует у Стефана Новгородца («грозно видети его», «руку ... простер буйно»). Чаще они достигали выразительности путем включения в свои описания наиболее ярких и характерных деталей того, что они видели и что хотели передать читателям. Так же поступил, как нам кажется, и автор «Сказания». Путем протокольного фиксирования самых ярких деталей он сумел воссоздать своеобразный облик большого мусульманского города, с его минаретами и криками муэдзинов, с большими постоянными дворами для купцов.

Близок к манере «Хождений» автор «Сказания» и в описании природы. «А до Махметова гроба от Египта, — пишет автор, — 50 дней итти по пустым местом, песком брести на верблюдех, только небо да земля, а лесу нет».⁸ Так, в немногих словах он сумел передать с чисто русским восприятием («а лесу нет») характерный пейзаж пустыни, когда кругом только «небо да земля». Описание предельно лаконичное и протокольное, но вместе с тем выразительное, создающее у читателя настроение. Это описание природы Египта по своей манере удивительно напоминает описание природы другого уголка земного шара — Альпийских гор, читаю-

⁵ См.: А. А. Шахматов. Путешествие М. Г. Мисюря-Мунехина, стр. 216—222.

⁶ В. В. Данилов. О жанровых особенностях древнерусских «Хождений». — ТОДРЛ, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 25.

⁷ М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы. Л., 1934, стр. 50—51.

⁸ А. А. Шахматов. Путешествие М. Г. Мисюря-Мунехина, стр. 216.

щеется в «Хождении на Флорентийский собор»: «Горы же те . . . от Черного моря пошли даждь и до Белаго моря, яко зовутся пояс земный, камены. Толико же высоци суть, облаци вполю их ходят, и облаци от них ся взимают. Снзси же лежат на них от сотворения гор тех; лете же вар и зной велик в них, но снег же не тааше».⁹ Та же лаконичность, протокольность и та же, как нам кажется, выразительность.

Сближают «Сказание» и «хождения» и применяемые их авторами сравнения увиденного в чужих странах с тем, что им было привычно на родине. Игумен Даниил сравнивал Иордан с рекою Сноюю,¹⁰ автор «Хождения на Флорентийский собор» сравнивал итальянский кедр с русской сосною,¹¹ автор «Сказания о граде Египте» сравнивает дворец султана в Каире с московским Кремлем.¹²

Сопоставление «Сказания о граде Египте» с «хождениями» показывает, как нам кажется, наличие известной зависимости стиля и литературной манеры «Сказания» от стиля «хождений». Очевидно, автор «Сказания» обработал сделанную им запись рассказа Михаила Гиреева в духе традиционных для «хождений» описаний чужих стран. Возможно также, что он был знаком с текстом «Хождения гостя Василия», о чем говорит близость некоторых деталей в описании Каира, имеющих как в «Сказании», так и в более раннем «Хождении гостя Василия».

⁹ Н. А. Казакова. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор». — ТОДРЛ, т. XXV, М.—Л., 1970, стр. 66.

¹⁰ См.: Православный палестинский сборник, вып. 3, стр. 45.

¹¹ См.: Н. А. Казакова. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор», стр. 68.

¹² См. выше, стр. 256.